М. В. Безобразова.

О безнравственности.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1911.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

I.

Я бы хотѣла написать книгу „подкладокъ или изнанокъ“ жизни.

Какъ ихъ много, и онѣ вовсе не тамъ, гдѣ мы это думаемъ.

И въ то же время *есть же лицо*,—безъ лица не было бы подкладки.

Но лицо съ изнанкой не сходятся и, кромѣ того изнанка выступаетъ наружу ярче, а лицо, какъ-то не подобаетъ лицу, прячется.

Такова наша современная русская жизнь, эта безнравственная жизнь, которая, подобно страусу, прячетъ голову отъ собственнаго стыда.

Отчего столько безнравственности и въ итогѣ такъ мало нравственности?

Вотъ самый интересный вопросъ, который существуетъ на свѣтѣ и будетъ когда либо существовать.

Почему существуютъ такія глубоко вѣрныя и безнравственныя по существу пословицы, что „съ правдой далеко не уѣдешь“ и „правда глаза колетъ?“

Вѣдь такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ, *такова подкладка жизни.*

Библиотека "Руниверс"

Правда или истина или добро=высшая нравственность, и эта высшая нравственность признается только на словахъ или на бумагѣ, откуда и слѣдуетъ, что великая изнанка жизни—безнравственность. Чѣмъ дальше отъ правды, колющей глаза, съ которой не уѣдешь, тѣмъ житейски и даже жизненно лучше, т. е. тѣмъ легче жить не только матеріально, но зачастую какъ будто и духовно.

Чѣмъ такъ подкупаетъ Ницше?

Вѣдь тѣмъ, что онъ—апостолъ безнравственности. Ему не трудно было получить славу, благодаря тому, что онъ превозноситъ столь милыя намъ изнанки, и его не прославляли лишь пока не знали.

Что привлекаетъ къ Л. Толстому?

Его еще большая безнравственность, чѣмъ-то у Ницше, скрытая подъ маской лицемѣрія для людей невдумчивыхъ.

Только вдумайтесь въ эту жизнь и въ эти писанія.

Прочтите внимательно біографію Бирюкова и вы будете поражены подробностями, ярко рисующими безсердечіе—отношеніе къ Ергольской, смерть брата, тяжелая тѣмъ, что нельзя было поѣхать на балъ, и еще и еще.

А существованіе въ Ясной Полянѣ „дерева бѣдныхъ“, этого символа, столь унизительнаго тамъ, гдѣ помогаютъ не ради популярности и молчатъ о помощи.

Взамѣнъ „дерева бѣдныхъ“, подъ тѣнью котораго теперь выдаются 5 коп., словъ по поводу описи послѣдней овцы или самовара „помогу, если

Библиотека "Руниверс"

могу" („Три дня, В. Е. сент., 1910) и отказа отъ нобелевской премiи, какъ не приходитъ въ голову тому, кто столько лѣтъ живетъ въ деревнѣ, та простая мысль, что существенная помощь тамъ необходима,—я уже не говорю о раздачѣ земли, а лишь о ссудахъ на покупку лошади или коровы, чтобы не довести до разоренiя рядового крестьянина и не обратить его въ „бѣднаго", и одинаково о томъ, чтобъ кормить тѣхъ бродягъ, которыхъ преслѣдуетъ правительство (!). Ради помощи имъ редакцiя „Вѣстника Европы" считаетъ нужнымъ взывать къ обществу *для устройства въ Ясной Полянѣ столовой*! Самъ Толстой этого не можетъ сдѣлать, въ силу неустранимыхъ условiй (стр. 10). Нужна же эта столовая главнѣйше для того, чтобы дать Т. возможность спокойно гулять. Вотъ до чего можетъ дойти гипнозъ!

А сколько помогаютъ и молчатъ! Сказать—уже унизить.

Но зачѣмъ это говорить?

Тотъ, кто пишетъ, обязанъ облегчать жизнь утѣшать, давать лицо, а не выворачивать изнанку.

Съ другой стороны, не выше ли всего на свѣтѣ искренность?

Не лучшее ли можетъ дать человѣкъ лишь въ томъ случаѣ, когда онъ искрененъ?

Искренность это сама истина каждаго. то, что составляетъ его лицо.

Вдумаемся еще въ то, какъ трудно бываетъ иногда провести границу между истиной и ложью, какъ случается же, что самый искреннiй человѣкъ лжетъ безсознательно, вовсе не желая ни вредить, ни выигрывать; напр., словесныя пре-

Библиотека "Руниверс"

увеличенія въ родѣ 36 вмѣсто много—уже ложь въ строгомъ смыслѣ слова. Увлекаешься, когда говоришь, и преувеличиваешь—это своего рода галлюцинаціи, которыя бываютъ съ самыми искренними людьми.

Не хочешь сознательно лгать, кривить душой ради чего нибудь, а невольно, безсознательно скажешь иногда не то, что есть, и очнешься, когда уже поздно, слово вылетѣло.

Не бываетъ ли случаевъ, когда хочешь сдѣлать зло?

Что называется добромъ и что зломъ?

Возстановлять истину—добро, которое представляется злымъ дѣломъ: людямъ кажется въ это время, что имъ наносится вредъ, потому что приходится плохо, а на самомъ дѣлѣ имъ становится лучше. Они только выигрываютъ отъ того, что казалось имъ зломъ—на самомъ дѣлѣ то было добро, а не зло.

Доброта—слабость, мягкость бываетъ зломъ, потому что развращаетъ.

Зло въ безхарактерности, и такимъ зломъ полна вся русская жизнь.

II.

Нравственно—жить и давать жизнь другимъ; безнравственно—прозябать и приводить другихъ къ прозябанію.

Будить къ жизни и засыпать въ ней—это нравственное и безнравственное.

Надо понимать только что сказанное, конечно, въ широкомъ смыслѣ слова.

Библиотека "Руниверс"

Я говорю о жизни для добра и о дѣятельности во имя него, а не объ удовольствіяхъ и чувственныхъ наслажденіяхъ, къ чему нерѣдко сводится вся жизнь, и въ ней не находится тогда мѣста ни для чего другого важнаго, которое отодвигается на заднiй планъ.

Жить для удовольствія—безнравственно. Тому же, что жизнь должна быть счастьемъ, учитъ почти вся философія цѣликомъ,—древняя—еще болѣе, чѣмъ новая, а новая—болѣе счастью, чѣмъ пользѣ, прогрессу и несчастью, если она и не эвдемонизмъ (ученіе о счастьѣ), какъ-то греческая философія.

Итакъ, жить для несчастья, ради страданій во имя ихъ, не составляетъ итога философіи, не ключъ къ ней.

Людямъ врождено тяготѣніе къ счастью, и если есть такіе, которые находятъ удовлетвореніе въ страданіяхъ, это нѣчто сверхчеловѣческое, аскетическое, нежизненное и вредное для жизни, созданной не ради мученій, а для разумнаго использованія ея во имя истины.

Но въ счастье входятъ и страданія—страданія во имя истины.

Тотъ, кто страдаетъ, конечно, уже не прозябаетъ—онъ человѣкъ, а не растеніе, хотя думаю, что и растеніе страдаетъ по своему, въ болѣе первобытномъ, элементарномъ видѣ, чѣмъ животное, и оно, вѣдь, двигается, закрывается, когда темно и тянется къ свѣту, къ животной пищѣ.

Но всѣ эти движенія настолько же первобытны и зачаточны, какъ страданія высшихъ даже животныхъ по сравненію съ тѣмъ, что можетъ

Библиотека "Руниверс"

перенести чуткій, развитый, культурный человѣкъ XX вѣка.

Страданія могутъ все же давать удовлетвореніе,—тѣ рѣдкія минуты счастья, которыя искупаютъ долгіе годы страданій.

Бываютъ такіе проблески въ жизни, посвященной добру,—пусть вся она не весела и не радостна, таковой не можетъ и не должна быть.

Служить истинѣ или добру и должно быть трудно—въ этомъ вся заслуга.

Но идеаломъ или цѣлью жизни, иначе—ея смысломъ не могутъ быть, тѣмъ не менѣе, страданія, одинаково, какъ и наслажденія. Идеалъ—это жить во имя добра, а не прозябать въ пустыхъ удовольствіяхъ. Таковъ глубокій смыслъ жизни: это не пустой звукъ, не фраза, а сама дѣйствительность.

Попробуйте вникнуть въ этотъ смыслъ и вы не захотите иной жизни, какъ взрослые уже не могутъ играть въ дѣтскія игрушки, и не захотите одинаково *покончить* съ жизнью, какъ бы она ни была тяжела, потому что все будете добиваться служить еще и еще.

Что касается самоубійства, то существуетъ очень много случаевъ, въ которыхъ оно является не грѣхомъ, а подвигомъ. Человѣкъ рѣшается покончить свое безсмысленное существованіе, сознавъ его безсмысліе, и не мирится съ нимъ. Онъ не въ состояніи долѣе прозябать и благодаря этому глубоко несчастливъ, такъ несчастенъ, что соглашается разстаться съ жизнью *во имя ея смысла.*

И не намъ, живущимъ, зачастую прозябающимъ, осуждать. Не мы ли всѣ повинны въ атмосферѣ, созданной для прозябанія, а не для жизни?

Библиотека "Руниверс"

Сугубо каяться заставляетъ насъ каждое дѣтское самоубійство.

Мы не дали жить, мы испортили жизнь тѣхъ, кто съ собой покончилъ. Какова была атмосфера, которой дышалъ самоубійца? Матеріальная то или нравственная и умственная. Она не позволяла человѣку, а не только ребенку, въ ней долѣе выдержать.

Мы же, остальные, продолжаемъ жить, не задыхаемся, попали, значитъ, въ такое мѣсто, гдѣ менѣе душно или умѣемъ дышать зараженнымъ воздухомъ.

Тѣхъ, другихъ, осилилъ чадъ—имъ пришлось совершить великій шагъ.

Пусть бросаютъ въ нихъ, для отвода глазъ, камни тѣ, кому живется сравнительно хорошо, тѣ, которые сами прячутъ голову, какъ страусъ, и камни въ нихъ потому попасть не могутъ!

Тотъ, кто прячетъ голову, не знаетъ, что такое задыхаться и жить съ поднятой головой. Онъ привыкъ дышать урывками и не привыкъ къ вольному воздуху.

Прятать же голову безнравственно. Задыхаться—нѣтъ, страданія искупаютъ всю безнравственность того, кто уходитъ совсѣмъ изъ жизни, и можно только глубоко и искренно пожалѣть его. Каждый самоубійца затаилъ въ себѣ искру добра которая потухла въ прозябающихъ, пусть онъ и не былъ всегда мученикомъ за правду и не жилъ во имя ея.

Можетъ быть, онъ задыхался не разъ а тысячу разъ пока рѣшилъ, что больше не въ состояніи терпѣть, и не махнулъ рукой на прекрасный Божій

Библиотека "Руниверс"

міръ, на жизнь, гдѣ чадъ его одолѣлъ, и онъ не видѣлъ истины, добра и правды. Для него не было, слѣдовательно, ни одного просвѣта.

Не допускайте другихъ до самоубійства,—вотъ задача нравственности! Сдѣлайте изъ жизни нѣчто настолько дорогое, что самоубійствъ не станетъ или же они обратятся въ рѣдкія исключенія. Будутъ кончать съ собой лишь люди, безнадежно больные ради облегченія своихъ физическихъ страданій, вполнѣ ненормальные или же злодѣи въ родѣ Гилевичей, у которыхъ впереди только наказаніе, а не тѣ половинчатые глубоко несчастные, какъ мы это видимъ теперь,—люди болѣе несчастные, чѣмъ плохіе.

А русская жизнь благодаря такимъ самоубійствамъ еще болѣе ухудшается. Самые плохіе элементы продолжаютъ жить — имъ недурно,—они даже не понимаютъ, какъ можно разстаться съ земными благами, и свое непониманіе прикрываютъ всевозможными софизмами, клеймя самоубійцъ, этихъ безвольныхъ, слабыхъ людей (!).

Сознаютъ ли они въ душѣ, что сами въ милліонъ разъ слабѣе и дряблѣе—у нихъ не хватаетъ рѣшимости, нѣтъ того героизма, который полагаетъ конецъ жизни, пусть даже худо прожитой, но омытой этою рѣшимостью. Снялъ съ себя позоръ Гилевичъ, не могли этого другіе, виновные въ жизни не менѣе его.

Что такое эта наша русская жизнь, оглашаемая гуманными кликами, какъ будто руководимая добрыми пожеланіями, годными для вымощенія ада?

Библиотека "Руниверс"

Вѣдь она чуть не сплошное самоубійство, съ чѣмъ мы какъ-то странно свыклись. Думали ли наши гуманисты когда нибудь о томъ, что всѣ эти люди менѣе всего страдали отъ правительства?

Если когда либо прибѣгъ къ самоубійству кто нибудь изъ политическихъ, именно—шлиссельбуржецъ или каторжанинъ—это вѣдь рѣдкій случай, остальные продолжаютъ жить. Не такъ уже значитъ имъ плохо.

Самоубійцы—жертвы общества и ихъ несомнѣнно въ десять тысячъ разъ больше, чѣмъ жертвъ правительства. Верхомъ безчеловѣчія является то, когда эти жертвы не люди, а дѣти; когда это жертвы не людей даже, а хищныхъ звѣрей, буквально высасывающихъ изъ нихъ кровь и думающихъ лишь о томъ, чтобы напиться.

Дѣтей чуть не четвертуютъ, на нихъ нѣтъ живого мѣста—и они бросаются съ четвертыхъ этажей и чуть не съ 10-ти лѣтъ уже пьютъ уксусную эссенцію.

И еслибъ въ нашемъ обществѣ существовала настоящая гуманность, а не показная, не лицемѣрная, то самоубійства отошли бы въ прошедшее и въ особенности самоубійства „малыхъ сихъ“. Стоялъ бы на очереди вопросъ, какъ могутъ звѣри брать на себя попеченіе о беззащитныхъ, о тѣхъ, кого мы призваны охранять всего болѣе; не существовало бы показной благотворительности, показныхъ попечительствъ и т. д. и т. д.

У насъ же проливаютъ крокодиловы слезы и неистово кричатъ по поводу смерти какого нибудь звѣря-изверга и мимоходомъ говорятъ о всѣхъ замученныхъ имъ жертвахъ. Такова ха-

Библиотека "Руниверс"

рактеристическая черта русской жизни и русской безнравственности, далекой отъ истиннаго милосердія, отъ истинной любви и элементарной справедливости. На первомъ планѣ „ндраву не препятствуй", все остальное—трынъ-трава.

Возмущають лишь школьныя самоубійства—при чемъ забывается что они гораздо болѣе въ связи съ неустройствомъ, разладомъ, грубостью семейной жизни и съ порнографической литературой, чѣмъ съ суровой школой. Объ этомъ думають очень мало, когда кричатъ такъ много и такъ громко.

Въ семьѣ и въ мастерской—вотъ гдѣ разыгрываются глубокія драмы нашего дѣтства и развѣ иногда, въ рѣдкихъ случаяхъ, въ стѣнахъ закрытыхъ учебныхъ заведеній или женскихъ институтовъ.

Я первая не защищаю русской школы, но возмущаюсь въ ней совершенно инымъ—не строгостью ея, а слабостью, не переутомленіемъ учащихся, а непріученіемъ ихъ къ труду, не дисциплиной, а распущенностью, доходящей до полнаго разврата.

Все это происходитъ на почвѣ равнодушія, ставшаго на мѣсто любви, которая такъ много чего не дозволяла, если бы педагоги любили свое дѣло, любили учащихся.

Настоящая любовь вѣдь настолько же бываетъ строга и требовательна, какъ равнодушіе и показная гуманность терпимы.

Полное отсутствіе всякаго воспитанія—вотъ она, характеристическая черта нашей школы, всякой школы: и низшей, и средней, и высшей (уни-

Библиотека "Руниверс"

верситетъ воспитываетъ одинаково, внушая любовь къ наукѣ и къ труду и призывая исполнять обязанности гражданина). Отсюда и проистекаетъ полная безнравственность.

Безнравственна школа такъ же, какъ и семья.

Когда знакомишься ближе съ европейской школой—англійской, французской и нѣмецкой—не считаешь, что русская школа сурова, а напротивъ, она излишне слаба, или, вѣрнѣе сказать, разслаблена, какъ и вся современная русская жизнь.

На почвѣ этого разслабленія, неумѣнья работать, первыми грѣшатъ чиновники министерства народнаго просвѣщенія, сидящіе годами въ комиссіяхъ, работа которыхъ даетъ матеріалъ мышамъ (горы бумагъ), вслѣдъ за ними—педагоги, поощряющіе по возможности безконечные праздники и каникулы, и возстаютъ эти сравнительно рѣдкіе случаи, что школа доводитъ до самоубійства—не выдержанъ экзаменъ, поставленъ плохой баллъ.

Школа, съ своей стороны, приводитъ къ тунеядству и разврату. Очень любопытно то, что теперь хотятъ ввести въ курсъ новый предметъ, или, вѣрнѣе сказать, включить половой вопросъ въ курсъ естествовѣдѣнія, сосредоточивъ на этомъ вопросѣ преимущественное вниманіе. Забываютъ, какая новая опасность грозитъ средней школѣ, и сейчасъ разъѣдаемой рѣшеніемъ этого вопроса.

А тѣмъ временемъ вся школа: и низшая, и средняя, и высшая погрязла въ своемъ природномъ русскомъ грѣхѣ—сплошной обломовщинѣ.

Наша школа—школа безнравственности и не потому, конечно, что въ ней еще удержались экза-

Библиотека "Руниверс"

мены, которые иногда не выдерживаются, а благодаря тому, что эта школа не пріучаетъ къ *серьезному* и *послѣдовательному* труду, который одинъ въ состояніи воспитывать въ школѣ для жизни—серьезной и нравственной жизни.

Таковъ ея страшный, основной и существенный все въ прежнемъ блескѣ, если не растущій не по днямъ, а по часамъ, грѣхъ.

Теперь заговорили черезчуръ уже много о физическомъ развитіи, пусть его отсутствіе и составляетъ дѣйствительно одинъ изъ недочетовъ нашей школы. Но это легко поправимый недостатокъ, и во время всеобщаго увлеченія всякаго рода спортомъ не трудно завести даже уроки авіаціи, а не только обучать ружейнымъ пріемамъ. Это куда легче, конечно, чѣмъ развивать умъ, уже не говоря о сердцѣ. Всякій мальчикъ всего охотнѣе берется за ружье, и не велика будетъ заслуга подготовить не полки потѣшныхъ, а дивизіи и корпуса.

Страшно трудно сравнительно съ этимъ развивать въ сторону добра, прививать элементарныя понятія о правѣ, внушать правила честности, добросовѣстности, *и наша школа даже не помышляетъ о такихъ задачахъ.*

Лишь когда она одолѣетъ свой коренной грѣхъ и будетъ воспитывать или учить трудиться сознательно, а не зубрить то-то и то-то, можетъ быть быть рѣчь о томъ, что у насъ есть дѣйствительно школа, а не заведенія, дрессирующія ради дипломовъ, дающія лишь права.

Теперь наша школа—страусъ, прячущій свою голову, потому что ученье въ школѣ является

Библиотека "Руниверс"

чѣмъ-то лишнимъ, постороннимъ, не связаннымъ съ жизнью, для нея не нужнымъ, чѣмъ-то сухимъ, схоластическимъ, мертвеннымъ, затхлымъ и заплѣснев҃ѣлымъ, не любимымъ тѣми, кто учитъ и кто учится. Жизнь все идетъ впередъ, школа давно отъ нея отстала и потому самому уже давно обратилась въ школу безнравственности, не учащую жить разумно.

Именно косность школы дѣлаетъ ее безнравственной.

А какова жизнь?

Боясь труда, боясь добра, истины и гуманности, мы пробавляемся безучастіемъ и псевдо-гуманностью—наша хата всегда съ краю тамъ, гдѣ дѣло не идетъ о популярности.

Ради популярности изобрѣтена фальшивая гуманность—это дѣтище нашихъ дней. Она приноситъ богатые плоды—тѣ плевелы, среди которыхъ мы живемъ, задыхаемся и кончаемъ съ собой.

Когда будетъ иначе?

Повидимому, мы даже не сознаемъ всей безнравственности атмосферы, нами созданной, и не знаемъ, что намъ нужно въ дѣйствительности.

Не знаемъ, что только сознательный и производительный трудъ облагораживаетъ и ведетъ къ добру—*онъ одинъ нравственъ* въ той же мѣрѣ, въ какой безнравственъ русскій халатъ, въ которомъ щеголяютъ столь много какъ педагоговъ, такъ и непедагоговъ. То, иными словами, полное презрѣніе къ труду и нежеланіе жить, то обреченіе на прозябаніе и себя, и другихъ, которые зависятъ отъ тѣхъ, кто имѣетъ право надѣть на себя халатъ.

Библиотека "Руниверс"

Русская халатность—смертный грѣхъ и, можетъ быть, худшая изъ безнравственностей, отъ которой мы не только страдаемъ, но и погибаемъ.

Халатъ, и не галстукъ. Не галстукъ давитъ Россію, а ее разъѣдаетъ сладкій покой, благодаря которому гибнутъ интересы милліоновъ русскихъ жителей, тѣ билліоны нуждъ, которые не удовлетворяются или удовлетворяются широко, безбрежно, неопредѣленно, безъ сознанія ихъ насущности и настоятельности.

Халатъ облекаетъ своими широкими складками русскую жизнь и не даетъ работать. Жизнь запуталась въ этихъ складкахъ и въ нихъ потонула. Отсюда и проистекаетъ безнравственность жизни, гдѣ работаютъ слишкомъ мало и нерѣдко, чѣмъ выше, тѣмъ меньше. И страдаетъ народъ отъ тѣхъ, которые такъ мало о немъ думаютъ, и заражается самъ всеобщимъ бездѣльемъ.

Мы имѣемъ теперь народное представительство въ лицѣ Думы, додумавшейся до стекляннаго потолка въ зданіи Таврическаго дворца, до своей канцеляріи, весьма, кажется многолюдной, до громадныхъ собственныхъ окладовъ и не вникающей въ суть русской жизни. Дума работаетъ мало (сколько дней въ году?), и работа ея часто сводится въ блестящимъ фразамъ о русской жизни вообще, фразамъ, которыя произносятся къ тому же среди безконечныхъ партійныхъ раздоровъ, еще болѣе развращающихъ Россію. Она не сократила расходовъ, не сдѣлала того, что настоятельно нужно странѣ, изнемогающей отъ недостатка средствъ на свои дѣйствительныя, неотложныя нужды. Дума не показала примѣра любви, безкоры-

Библиотека "Руниверс"

стія и добросовѣстнаго отношенія къ своей странѣ, потому что истинные граждане и сыны своего отечества начали бы съ того, что служили безвозмездно и брали только на необходимое тѣ, кому жить не на что. И все, собственно, осталось попрежнему, несмотря на то, что въ Таврическомъ дворцѣ засѣдаютъ представители народа.

Оглянитесь и всмотритесь въ русскую жизнь попристальнѣе.

Возьмите хотя бы передовое московское земство съ его царицынской малиной—это характерное явленіе нашихъ дней, столь богатое послѣдствіями для далекихъ и многихъ лѣтъ.

Были ли въ данномъ случаѣ косны крестьяне, о косности которыхъ такъ любятъ у насъ кричать, не отдавая себѣ отчета, что крестьяне, т.-е. многіе изъ нихъ косны гораздо менѣе, чѣмъ наша пресловутая „интеллигенція?“

Что далъ царицынскимъ крестьянамъ халатъ чиновниковъ, на этотъ разъ—земскій агрономъ? Они убѣдились воочію, какъ безпомощна та барская наука, о которой принято думать, что *они* питаютъ къ ней недовѣріе.

А эти всевозможныя богатства, лежащія въ русскихъ нѣдрахъ и эксплуатируемыя иностранцами и инородцами, потому что русскихъ они не интересуютъ или имъ недоступны благодаря милліонамъ препятствій въ видѣ всевозможныхъ формальностей, когда являются русскіе, скинувшіе съ себя традиціонные халаты и желающіе трудиться. Только въ Кореѣ не было препятствій—

Библиотека "Руниверс"

тамъ мы сумѣли разрабатывать богатства страны, чтобы наткнуться на войну, унизившую Россію.

Вспомните горы формальностей для всѣхъ тѣхъ, которые не смѣютъ быть въ халатахъ и сами при первой же возможности сбрасываютъ давящіе ихъ галстуки и начинаютъ одинаково не работать, облекшись въ халатъ.

Чѣмъ кто дальше отъ халата, тѣмъ тому хуже жить на Руси, гдѣ уважаютъ не трудъ, а халатъ, и чѣмъ онъ шире, тѣмъ, конечно, больше.

Трудъ—предметъ презрѣнія, и каждый сваливаетъ съ своихъ плечъ это презрѣнное.

Вся жизнь приноровлена ко вкусамъ тѣхъ, кто наслаждается, кутитъ—*все для такихъ людей въ Россіи;* ничего для скромной семейной жизни, для рабочаго люда, желающаго тихихъ радостей, а не мишуры народныхъ развлеченій.

И пожалѣйте, наконецъ, эти народныя деньги, которыя тратятся зря, разбрасываются на освѣщеніе электричествомъ кутежей, и нѣтъ ихъ на проѣзжія дороги, нужныя для работы, что въ конецъ обезсиливаетъ трудовое населеніе великой страны.

III.

Считается, что русскимъ особенно близки вопросы нравственности; о нихъ, вѣдь, ведутся эти безконечные русскіе споры за самоваромъ, а между тѣмъ, въ нравственныхъ вопросахъ мы до сихъ поръ всего менѣе разобрались. Этимъ объясняется неустойчивость русской жизни, обиліе безнравственности, бурные потоки и гнилые ручьи всевозможныхъ преступленій, пусть и совершае-

Библиотека "Руниверс"

мыхъ не тѣми, кто бесѣдуетъ за самоваромъ о нравственности.

Недавно меня удивилъ вопросъ, или, вѣрнѣе, то былъ споръ человѣка съ самимъ собой и человѣка, заинтересованнаго нравственными вопросами, мягкаго, добраго, глубоко-религіознаго и стойкаго. Оказалось, что человѣкъ этотъ *не знаетъ*—„существуютъ ли люди жестокіе и эгоисты или въ каждомъ можно отыскать источникъ добра". „Tout comprendre c'est tout pardonner"—лозунгъ русской интеллигенціи, или, на моемъ языкѣ, просвѣщеннаго общества. То чисто русское раздумье надъ нравственными вопросами (Grübeln), которое съ своей стороны, безспорно, содѣйствуетъ развитію русской безнравственности—она вскормлена этимъ раздумьемъ.

Одни раздумываютъ, а другіе вершатъ. У прочихъ европейскихъ народовъ. меньше мягкости, но зато они, пусть сами и злѣе, тверже знаютъ, что такое добро.

Русская доброта, иначе безхарактерность, это наше добродушіе и носится, между прочимъ, вѣчно съ вопросомъ о смертной казни, съ этимъ tout compendre—pardoner,—нельзя зубъ за зубъ, это будетъ по-язычески, а по-христіански надо прощать и миловать. „Нельзя убивать—это зло"—дальше такого афоризма нейдетъ наше просвѣщенное общество. Оно не вникаетъ въ глубину вопроса или вникаетъ односторонне, какъ бы ходя въ шорахъ; оно такимъ образомъ освѣщаетъ русскую жизнь, что ее не просвѣтляетъ, а затемняетъ, ведетъ не впередъ, и жизнь толчется безсмысленно на одномъ мѣстѣ.

Библиотека "Руниверс"

Не можетъ быть шаговъ впередъ, немыслимо процвѣтаніе государства пока не кончится распря общества съ правительствомъ, эта, собственно говоря, безсмысленная распря тѣхъ, кому не на словахъ дорога будущность Россіи.

И просвѣщенное общество твердитъ все о терпимости и о прощеніи, а само ничего не прощаетъ, ничего не терпитъ и забываетъ завѣты Христа, изгнавшаго изъ храма торгующихъ и запретившаго бросать камни въ падшую женщину.

Даже самое чистое христіанство не все терпитъ, не все дозволяетъ. Но Христосъ былъ Богомъ, а не человѣкомъ,—государство не можетъ не быть ближе къ землѣ и на томъ основаніи—менѣе терпимымъ и болѣе требовательнымъ ради всеобщаго блага своихъ милліоновъ подданныхъ, которые не могутъ быть принесены въ жертву... красивымъ словамъ.

Кодексъ интеллигенціи tout comprendre куда шире христіанскаго: онъ безбрежнѣе, неопредѣленнѣе и въ практическомъ отношеніи еще опаснѣе.

Мы все твердимъ заученныя старыя фразы, и нѣтъ у насъ новыхъ, просвѣтляющихъ жизнь. Забыты среди этой распри столь любимыя нами въ иное время слова *о мирѣ,* которыя мы употребляемъ совсѣмъ въ иныхъ случаяхъ и тамъ, гдѣ они не такъ настоятельно нужны. Вѣковой раздоръ теперь особенно обострился, и ему какъ будто не предвидится конца.

И вокругъ насъ благодаря этому раздору царитъ тьма и совершаются десятки тысячъ преступленій, а мы все повторяемъ одни и тѣ же магическія слова о терпимости и гуманности,

Библиотека "Руниверс"

твердимъ ихъ какъ бы во снѣ или въ сладкомъ забытьѣ, не сознавая, какъ далеки отъ истинной гуманности и жалости, и *облеклись лишь въ халатъ*. Иначе неужели мы не пожалѣли бы тѣхъ, кто дѣйствительно достоинъ жалости?

Если бы наше просвѣщенное общество было дѣйствительно гуманнымъ, откуда бы явилась вся эта безнравственность вокругъ насъ и отчаяніе передъ жизнью болѣе чуткихъ и несчастныхъ элементовъ?

Значитъ, слова эти не настоящія, не въ нихъ спасеніе—это лицемѣрныя слова, та маска, которою общество прикрываетъ все свое бездушіе и равнодушіе къ нравственности, все свое не отвращеніе, а спокойное, терпимое отношеніе къ безнравственности въ то самое время, когда проливаетъ свои крокодиловы слезы.

Развѣ это не ужасно, не достойно слезъ, когда надъ слезами Короленко плачетъ самъ Толстой? И tutti quanti передовыхъ людей или мнящихъ себя передовыми, потому что какъ бы они стоятъ на стражѣ гуманности въ Россіи, ее спасаютъ, въ сущности, губятъ страну, насколько это въ ихъ силахъ. Никто изъ нихъ ни разу не пожалѣлъ о томъ и о тѣхъ, которые дѣйствительно достойны жалости, всѣ какъ бы прутъ въ одну открытую дверь,—*все же остальное не существуетъ*.

Это какой-то гипнозъ, кошмаръ, отъ котораго все болѣе гибнетъ Россія, жаждущая мира, а не распрей, требующая мирной работы, а не криковъ.

Другая раздвоенность русской жизни заключается въ томъ, что *жизнь тѣхъ, которые тво-*

Библиотека "Руниверс"

рятъ добро, преисполнена незнаніемъ того, что оно такое.

Въ этомъ разрывѣ съ жизнью, бѣгствѣ отъ нея или аскетизмѣ и таится глубокая безнравственность.

Это какъ будто преисполненіе добромъ, какъ будто терпимость, пресловутое tout comprendre и дѣлаетъ людей жестокими по существу, какова въ сущности вся русская жизнь, страшно жестокая жизнь по отношенію ко всѣмъ страдающимъ, ко всѣмъ жертвамъ преступленій. Преступниковъ не только прощаютъ, но даже возносятъ, всѣхъ же „инако мыслящихъ“ не только терпятъ (не только имъ прощаютъ),—*а прямо втаптываютъ въ грязь.*

Жертвы преступленій (разбитыя семьи, растлѣнныя и истерзанныя дѣти) и инако мыслящіе—тѣ двѣ категоріи глубоко несчастныхъ въ Россіи людей, которыхъ не щадитъ ни интеллигентскій кодексъ, ни сама русская жизнь.

Это тѣ самые, о которыхъ глубоко жалѣю я, когда не жалѣю жестокихъ и эгоистовъ! Я помышляю о нихъ, когда равнодушна къ тому, что какой нибудь злодѣй попалъ въ тюрьму и какъ ему тамъ живется, или на висѣлицу и его изъяли изъ жизни, которую онъ портилъ. Передо мной рисуются *его* жертвы, и я знаю, сколько новыхъ жертвъ теперь спасено, сколько невинныхъ и пусть даже виноватыхъ людей избѣгнутъ *его* ножа—онъ больше не на свободѣ и имъ не угрожаетъ. Онъ дошелъ до звѣрства—почему—это иной вопросъ, но разъ, что онъ дошелъ, то далѣе не терпимъ тамъ, гдѣ на государствѣ лежитъ охрана жизни мирныхъ гражданъ и дѣтей.

Библиотека "Руниверс"

Такая мысль строго воспрещается кодексомъ русской интеллигенціи—нравственной на показъ, глубоко безнравственной по своей дѣйствительной жестокости ко всѣмъ жертвамъ, особенно, когда жертвы эти дѣти и старые люди, и еще ко всѣмъ не согласнымъ съ непогрѣшимостью подобнаго узкаго кодекса, губящаго русскую жизнь.

Какъ можно произносить только что сказанное?

Это называется мыслить правительственно, черносотенно, реакціонерно, чуть ли не провокаторски, и скажу: пусть, какъ вамъ угодно, я не боюсь никакихъ кличекъ, какъ одинаково не признаю никакихъ кодексовъ, а мыслю такъ, какъ это *мнѣ* кажется справедливымъ и нравственнымъ.

Когда я вижу передъ собою нравственность, справедливость, истину, ничто мнѣ не страшно, никакой людской судъ, пусть то самыхъ, такъ называемыхъ, или мнящихъ себя таковыми, людей передовыхъ—я говорю, что думаю, и считаю своимъ долгомъ, *долгомъ философа*, не бояться сказать.

Люди съ большимъ трудомъ воспринимаютъ все новое, кромѣ новыхъ модъ и сенсаціонныхъ новостей, именно, все то, для чего имъ приходится утруждать свои мозги.

Мозгъ и есть то самое ретроградное, не желающее двигаться или работать.

Тотъ, кто не слѣдуетъ за модой (умственной или нравственной), имѣетъ *свое*, которое ему всего дороже, какъ собственное, пусть эта собственность и не является ходячей монетой. Это свое именно не ходяче, не годно къ употребленію, оно—мертвый капиталъ, на который нѣтъ спроса въ жизни.

Библиотека "Руниверс"

Просвѣщенное общество пробавляется своимъ узкимъ кодексомъ, а хулиганскіе низы невольно смотрятъ вверхъ, гдѣ находятъ полное оправданіе. И всякія дѣянія низовъ, вѣдь, надо на основаніи кодекса и comprendre, и pardonner.

А я не отдамъ того, что понимаю и въ чемъ вижу спасеніе. Да, король голъ, и нѣтъ на немъ платья,—его видятъ всѣ придворные, а его нѣтъ и нѣтъ.

Нѣтъ спасенія въ вѣроученіи просвѣщеннаго общества, которое исповѣдуется лучшими элементами или мнящими себя таковыми.

Съ безнравственностью надо бороться, а не падать передъ нею ницъ, при томъ условіи, конечно, что вѣришь въ нравственность.

Гдѣ же у насъ такая вѣра?

Она-то всего слабѣе въ русскомъ обществѣ, почему такъ страшно легко это pardonner и такъ ненавистно, такъ страшно трудно дается все то, что возстановляетъ нравственность.

Ей не вѣрятъ — это платье короля, па мой взглядъ.

Что считаетъ безнравственнымъ интеллигентскій кодексъ?

Смертную казнь, черносотенство, провокацію. Все же остальное подлежитъ „терпимости“ или pardonner.

„Не казните“.

Какъ это легко сказать, какъ трудно исполнить!

Отчего же кодексъ *казнитъ* всѣхъ инако мыслящихъ?

А почему такъ устрашаетъ „нашу интеллигенцію“ смертная казнь?

Библиотека "Руниверс"

Не потому ли, что казнятся всеобщіе грѣхи, а не только преступленія осужденныхъ на казнь?

Каждый вѣдь безсознательно чувствуетъ, что казнь есть воздаяніе не только за личные грѣхи, но и за общественные и потому инстинктивно не хочетъ, чтобъ казнили.

Этого почти цѣликомъ не желаетъ наше размягченное, изнѣженное общество, возстающее противъ смертной казни *будто бы* во имя нравственности, и не сознающее, что его возстаніе и возмущеніе безнравственны.

Представимъ себѣ, что убійца—всецѣло жертва обстоятельствъ или общей жизни, но и въ такомъ случаѣ его угрожающая общественной безопасности преступность подлежитъ казни.

Ея не нужно лишь въ преступномъ обществѣ, только тамъ, гдѣ *всѣ* сообщники, и преступники, не отщепенцы.

Но такова ли вся Россія?

Такое время для нея все же еще не настало.

Наказаніе или возстановленіе справедливости нужно, если существуетъ на свѣтѣ нравственность; нѣтъ ея, нѣтъ, конечно, и преступленій, нѣтъ казней и нѣтъ не только государства, но и людей, а есть животныя.

Объ этомъ не думаютъ затвердившіе кодексъ.

Какъ искоренить безнравственность,—вотъ это вопросъ.

И отвѣтъ—надо начать съ того, чтобъ вѣрить въ нравственность, вѣрить глубоко, *а не на словахъ*, такъ глубоко, чтобы быть выше всякаго наказанія, не считать, конечно, громаднымъ несчастьемъ гибель безнравственныхъ элементовъ, дѣйстви-

Библиотека "Руниверс"

тельно жалѣть, *глубоко жалѣть несчастныхъ жертвъ.*

Вотъ такой-то жалости или истинной, не показной гуманности я совсѣмъ не вижу въ нашемъ просвѣщенномъ обществѣ.

Популярность пріобрѣтается криками въ защиту преступниковъ, и какъ легко, какъ дешево дается эта популярность или репутація гуманности!

Само собой разумѣется, что весело и интересно такъ кричать. Потому-то этимъ всѣ у насъ и заняты взамѣнъ того, чтобы вникать въ глубину жизни, въ глубину вреда, въ то, что всѣ эти слова и quasi-убѣжденія приносятъ плоды, и всякое новое преступленіе всегда отчасти плодъ такой фальшивой гуманности.

Каждый преступникъ зараженъ этимъ взглядомъ—онъ считаетъ себя жертвой и творитъ свое скверное легко и беззаботно; ктому же имѣетъ еще увѣренность, что за него грудью заступается все русское общество или элементы, мнящіе себя въ этомъ обществѣ лучшими.

А мы еще удивляемся, откуда столько преступленій, откуда столько безнравственности, эгоизма и жестокости? Мы не понимаемъ, что заражена сама атмосфера.

Бросьте, господа, свою фальшивую гуманность и взгляните на міръ и людей глубже и *добрѣе на самомъ дѣлѣ.* Одно это только и можетъ облагородить жизнь и уменьшить число преступленій.

Тогда преступники не будутъ воображать себя героями, достойными сожалѣнія, людьми, которыми всѣ такъ жгуче интересуются. Чуть не вся ли-

Библиотека "Руниверс"

тература обратилась въ подробное описаніе тюремной жизни и ея распорядковъ, и мнѣ иногда мерещится, не сидѣла ли я сама,—такъ хорошо все это я знаю, лишь слѣдя за современной мемуаристикой или беллетристикой?

И только когда преступленія утратятъ свою теперешнюю популярность, число ихъ сократится. Повѣрьте, что ихъ станетъ меньше, когда перестанутъ кадить преступникамъ и чуть не носить на рукахъ каждаго за то, что онъ дерзнулъ и посягнулъ на чужую жизнь и хотя собственность.

Погибнуть на плахѣ, сидѣть въ тюрьмѣ—то быть героемъ нашихъ дней, а это такъ легко достижимое геройство увлекаетъ и заражаетъ, и атмосфера портится.

Она сплошь состоитъ изъ преступныхъ вибріоновъ, плодящихся не быстрѣе ли холерныхъ, противъ которыхъ мы все же принимаемъ мѣры, хотя бы дѣлаемъ пресловутыя петербургскія надписи „не пейте сырой воды“.

Люди идутъ на преступленія не всегда ради наживы, часто изъ за славы — этой самой дешевой, а все же заманчивой и интересной популярности.

А тутъ еще примѣшиваются и деньги—другой кумиръ нашихъ дней; богатство же даетъ не менѣе славы, чѣмъ и преступленія.

Для чего нужно богатство?

Всего чаще для чувственныхъ наслажденій всякаго рода, для разврата. Богатство требуется тѣлу въ той же мѣрѣ, въ какой душѣ необходима популярность. *Все остальное утратило интересъ въ русской жизни.*

Библиотека "Руниверс"

Раздорами живетъ современная Россія. Въ ней, какъ уже сказано, существуетъ глубокій разладъ между правительствомъ и обществомъ. Первое вѣритъ въ нравственность или въ мѣры для ея возстановленія; второе отрицаетъ цѣлебность мѣръ, потому что исповѣдуетъ гуманность.

Гдѣ же спасеніе?

Единственный путь спасенія—водвореніе въ Россіи мира, но не наружнаго, не показного, конечно, а дѣйствительнаго, настоящаго, путь не невольныхъ и принудительныхъ уступокъ одной изъ сторонъ, а сознанія обѣими того, что *необходимо оздоровить нравственную атмосферу.*

Сдѣлать это при разладѣ невозможно.

Надо дѣйствовать сообща, чтобъ дать, наконецъ, вздохнуть странѣ. Нельзя продолжать дѣлать Россію ареной всевозможныхъ преступленій, отравлять ими воздухъ, оглашать ее воплями отчаянія жертвъ и побѣдными криками сидящихъ въ тюрьмахъ и умирающихъ на висѣлицѣ.

Все это *не можетъ* такъ продолжаться—надо же, наконецъ, прійти къ такому простому выводу и положить конецъ распрѣ, отъ которой Россія изнемогаетъ.

Но какимъ образомъ можно оздоровить атмосферу?

Просвѣщенное общество должно сознать свою вину и *глубоко раскаяться*—другого исхода нѣтъ. Пока этого не случится, все останется попрежнему, и нельзя будетъ пойти по новой дорогѣ.

Правительство не можетъ же поощрять убійствъ, увеличивать число жертвъ, *оставивъ вовсе въ покоѣ преступниковъ,* какъ этого желаютъ пла-

Библиотека "Руниверс"

чущіе о нихъ. Сдѣлать это ничего не стоитъ,—русскому халату оно даже свойственно, и всякій галстукъ тяготитъ.

Но что дальше?

Вѣдь, въ живыхъ не останется никого, кромѣ хулигановъ, и они кончатъ тѣмъ, что перерѣжутъ другъ друга. Насъ, мирныхъ, порядочныхъ элементовъ не будетъ; перестанетъ существовать и русское государство, которое само себя уничтожитъ.

Неужели этого хотятъ тѣ, которые не размышляютъ надъ тѣмъ, о чемъ они плачутъ? Или они дѣйствительно вѣрятъ въ *спасительность бездѣйствія,* въ то, что зло можетъ перестать быть зломъ, не встрѣчая противодѣйствія добра?

Вѣдь это иллюзія, не подтверждаемая ничѣмъ, противорѣчащая всему тому, что мы видимъ на свѣтѣ, гдѣ *безъ борьбы нѣтъ жизни* и *безъ работы нѣтъ и произведеннаго ею.*

Ничто останется ничѣмъ—чѣмъ дальше разрастается зло, тѣмъ оно больше крѣпнетъ и властнѣе осиливаетъ добро.

Только когда преступленія будутъ дѣйствительно возмущать до глубины души, тогда только, повѣрьте, ихъ станетъ меньше.

Будьте дѣйствительно терпимы, а не притворяйтесь, что вы терпимы.

Вникните въ свою теперешнюю нетерпимость, въ то, что интеллигенція взяла на себя самое легкое изъ всѣхъ возможныхъ дѣлъ—только обвинять и безконечно жаловаться. Общество записалось въ прокуроры правительства и очень, повидимому, довольно своей ролью.

Библиотека "Руниверс"

Пусть эти прокуроры поставятъ себя хотя на минуту на мѣсто тѣхъ несчастныхъ людей, за которыхъ по праву заступается правительство, пусть они перестрадаютъ хотя мысленно все то, что живетъ въ душахъ обездоленныхъ семей, несчастныхъ дѣтей, утратившихъ честь дѣвушекъ, обреченныхъ на вѣчный позоръ и страданія.

Васъ не трогаютъ горючія слезы, когда эти слезы проливаются не преступниками, а жертвами.

Вдумайтесь въ эту свою жестокую несправедливость и... покайтесь.

Вы покончите тогда съ этой благодарной ролью прокурора—настанетъ минута, когда и вы, можетъ статься, заступитесь за обездоленныхъ, къ которымъ сейчасъ такъ равнодушны, и поймете тѣхъ, кто ихъ защищаетъ.

Дѣлаетъ же это правительство, пусть оно и даже часто въ другихъ случаяхъ и грѣшитъ своей халатностью.

Если когда нибудь и случаются ошибки въ родѣ осужденія Глускера—кто не ошибается, работая, и правительство не состоитъ изъ людей, способныхъ *никогда* не ошибаться,—бываютъ роковыя случайности, совпаденіе уликъ, которыя потомъ разсыпаются въ прахъ. Сколько есть случаевъ, что оправдываютъ завѣдомыхъ преступниковъ благодаря тому, что улики не даютъ матеріала для осужденія, а вина на лицо. Судъ еще далекъ отъ совершенства, а дѣло общества выработать новыя, болѣе совершенныя и цѣлесообразныя формы судопроизводства.

Сколько есть случаевъ, что свидѣтели подкуплены, сколько настоящихъ свидѣтелей уклоняются

Библиотека "Руниверс"

отъ появленія въ судъ, боясь безконечныхъ формальностей, всякихъ непріятностей и потери времени, связанныхъ теперь съ мыслью о судѣ.

Но я уклонилась въ сторону.

Глускеръ—единичный случай, ваши же протеже, господа интеллигенты, погубили тысячи семей, обездолили десятки тысячъ малыхъ сихъ.

Поймите свою громадную вину передъ Россіей... вы ее не любите, когда проливаете свои крокодиловы слезы, и поощряете то самое геройство, которое распустилось въ цѣлые букеты махровыхъ цвѣтовъ.

Апоѳеозъ безнравственности—отрицать, что есть люди, достойные казни, и жалѣть тѣхъ, кто не таитъ въ себѣ самъ искры жалости, возводить преступниковъ въ герои.

Намъ нужна сейчасъ иная дорога—по вашей мы давно идемъ и видимъ, куда она привела. Ваша фальшивая гуманность губитъ Россію безсознательно, что иногда хуже, чѣмъ сознательно.

Вы судите о фактахъ теоретически, а не живете реальной жизнью страны, когда забываете. какъ ей нуженъ миръ и что сотни тысячъ людей въ деревняхъ не понимаютъ вашей распри.

Вы далеки отъ нихъ, вы не знаете, что имъ нужно.

Только миръ ради ихъ работы! Имъ постоянно угрожаютъ,—и ихъ жизни и ихъ собственности. Всякая крутая мѣра правительства, направленная противъ разоряющихъ деревню лицъ, радуетъ мирные элементы, потому что даетъ имъ вздохнуть свободнѣе.

Библиотека "Руниверс"

Миръ во что бы то ни стало, ради благоденствія страны, ради возможности дать спокойно трудиться тѣмъ, которые еще не утратили способности работать. Этихъ людей одолѣваютъ хулиганствующіе элементы, геройствующіе своею безнаказанностью (вѣдь до суда доходитъ одинъ случай изъ тысячи и этотъ одинъ нерѣдко оправдывается). *Мирные труженики до сихъ поръ почти безсильны передъ одолѣвающимъ ихъ зломъ.*

Нуженъ миръ, обезпеченный миръ и уменьшеніе числа преступленій, а не безнаказанность, не слабость во имя болѣе чѣмъ туманныхъ и спорныхъ идеаловъ.

По вашей дорогѣ нѣтъ будущаго, если вы понимаете жизнь деревни, жили когда нибудь ея интересами и содрогались при разсказахъ о томъ, какого труда, какихъ громадныхъ усилій стоитъ тамъ охрана личности и собственности. Вѣдь деревня въ рукахъ негодяевъ—завелся одинъ, и нѣтъ покоя мирнымъ жителямъ.

Облегчите же эту жизнь, а не затрудняйте ее еще больше—вотъ истинная задача для просвѣщеныхъ людей, любящихъ Россію и желающихъ ея процвѣтанія.

Только когда общество постигнетъ, насколько оно виновато и до чего чудовищна его вина, оно можетъ зажить мирно и не поставить цѣлью своей дѣятельности единственно протестъ, какъ это теперь.

То, что вы, просвѣщенное общество, дѣлаете, это самое простое, легкое, ни передъ кѣмъ не обязывающее, и *оно и есть тотъ самый халатъ, въ складкахъ котораго запуталась Россія, и нѣтъ ей какъ будто выхода.*

Библиотека "Руниверс"

Да, халатно правительство, халатно и общество—это платье короля, скрытое отъ глазъ сотенъ тысячъ, и въ этомъ и заключается глубокое несчастье изстрадавшейся Россіи, жаждущей покоя и мира.

Создавайте же русское государство и его не разоряйте въ конецъ, будьте не крикливыми, а въ сущности все тѣми же облеченными въ халаты *господами*, каковы вы теперь, а работниками, тружениками и потому гражданами своей страны—ея оплотомъ и солью земли, всѣ вы, которые просвѣщены.

И только потому у насъ и могли быть Мукдены и Цусимы, что мы сами довели Россію до погрома—не Безобразовы, не Алексѣевы, не Куропаткины—это все куклы, дѣйствовавшія на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя оказались въ наличности у страны, обезсиленной раздорами и вслѣдствіе того и сведшей такимъ образомъ счеты съ непріятелемъ.

Помните еще, что опозорили Россію въ этой войнѣ офицеры болѣе солдатъ, генералы болѣе офицеровъ!

Мы дожили до своего погрома и для чего?

Чтобъ воспрянуть духомъ и сознать, какъ мы плохи.

Да, мы—безнравственное общество и безнравственное въ *своихъ стремленіяхъ*, а не только дѣйствіяхъ.

Мы хотимъ во что бы то ни стало разрушить Россію, не отдавая себѣ даже отчета, что дѣлаемъ все возможное для ея гибели и не любимъ своего

Библиотека "Руниверс"

народа, который далеко еще не такъ плохъ, какъ мы воображаемъ, читая Родіонова.

Много у насъ хорошихъ людей и среди народа, и среди просвѣщеннаго общества—людей, которые не пляшутъ подъ модныя дудочки и потому и остаются въ тѣни.

Такихъ не допускаютъ до дѣлъ—имъ нѣтъ мѣста и въ литературѣ, среди декадентствующихъ, кадетствующихъ и белибердствующихъ нашихъ „безсмертныхъ". Люди эти не нужны. Затирая ихъ, обезсиливаютъ Россію, и люди эти умираютъ, не находя дѣла, подобно тому, какъ способные крестьяне остаются за плугами, вдали отъ служенія государству и обществу. Должно стать насущной задачей—двигать лучшихъ людей изъ всѣхъ слоевъ на смѣну людямъ халатнымъ.

Дѣла у насъ много, и нужны дѣятели, любящіе страну истинной любовью и не поддающіеся фразамъ и пустотѣ окружающей насъ фальшивой нравственности, люди, не зараженные еще безнравственностью, какъ тѣ, которые не любятъ своего отечества.

Глубоко безнравственно не любить Россіи въ тяжкіе дни ея жизни, и давно пора осилить зло и воспрянуть духомъ, объединившись въ общей работѣ.

Подумайте обо всемъ этомъ, а не выхватывайте отдѣльныя слова и фразы и не ужасайтесь тому, что я ихъ сказала!

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Того-же автора.

Философскіе этюды. М. 1892

Краткій обзоръ существенныхъ моментовъ исторіи философіи. М. 1894

Изреченія Св. Кирилла и посланіе митр. Никифора. СПБ. 1898

Распродано.

Ограниченное число экземпляровъ.

О русскомъ женскомъ взаимно-благотворительномъ обществѣ. СПБ. 1898	20 к.
Публичныя лекціи. М. 1901	50
Мысли, афоризмы и негативы. СПБ. 1902	10
Розовое и черное изъ моей жизни. Спб. 1911	20

СКЛАДЪ у АВТОРА:

С.-Петербургъ, Верейская ул., 29.

Пересылка иногороднимъ безплатно.

Цѣна 20 коп.

тип. „Роднинъ", СПБ., Невскій 88

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"